

во-первых, элементами реализации манипуляции являются дифференциация потребностей, а также развитие отношений, связанных с производством и разделением труда. Фактически в процессе труда во всей своей сложности оформляется социальная структура общества, а манипулятивные практики становятся одним из элементов механизма её усложнения. При этом ключевой категорией возникновения такой практики является отчуждение, возникающее в процессе деятельности;

во-вторых, неизменным условием всякой деятельности, как и вообще любых форм социальных отношений, является возникновение свойственных человеку сознания и элементов психики. Отчуждение человека от человека, разрушающее субъектно-субъектные отношения, интерпретирующиеся как объектно-субъектные, становится основной предпосылкой генезиса собственно манипулятивных действий.

Примечания

1. *Арендт Х.* Vita activa или о деятельной жизни. СПб., 2000.
2. *Громыко Ю.* Деятельностный подход: новые линии исследований // Вопросы философии № 2, 2001.
3. *Лекторский В.* Деятельностный подход: смерть или возрождение? URL:<http://www.situation.ru>.

Д. В. Пивоваров
д. ф. н., профессор
УрГУ им. А. М. Горького

СЦИЕНТИЗМ: КУЛЬТ «ИЗБРАННОГО УЧЕНОГО»

Сциентизм – 1) культ науки; 2) поклонение ее экспериментальным и математическим методам; 3) абсолютизация роли ученых и научных экспертов в обществе, а также культ избранных ученых-гениев; 4) вера в то, что все имеющие смысл проблемы научно разрешимы. Этот культ складывается в Западной Европе с XVI в., достигает апогея в промежутке между серединой XIX в. и серединой XX в. (в особенности в эпоху научно-технической революции) и начинает развенчиваться и слабеть к концу XX в. под натиском реалий жизни и в противоборстве с асциентами. Сциентизм

тесно связан с технократическим мышлением, истоки которого заложены в «Новом органоне» Ф. Бэкона. Внутри самого «храма науки» сциентизм отличается дискриминацией гуманитарных наук, слабо использующих эксперимент и математический язык, а также культивацией в естествознании методологии эмпиризма, натурализма и антиисторицизма.

В прошлых и современных науках в изменчивой пропорции взаимодействуют две полярные эпистемические тенденции – авторитарного монизма и анархического плюрализма. В наши дни монизм сопряжен с требованием глобализации в развитии социокультурной среды, а плюрализм – с постмодернизмом, противящимся унификации истины и социальных порядков.

Эпистемический монизм так или иначе связан с верой в скорый «конец науки», а именно – в завершение в какой-нибудь науке проекта под девизом «Единственно Истинная Теория». Так, Дж. Хорган, известный американский популяризатор науки, уверяет, будто все основные научные открытия уже случились, а далее человечеству остается лишь посредством технологии адаптировать открытые теоретические истины к практике (см.: Хорган Дж. Конец науки. СПб., 2001). Тезис о скором закате науки ранее выдвигали Бергсон, Генон, Шелер, Хайдеггер, Шпенглер, Юнг, Элиаде. Тот же тезис поддержали некоторые выдающиеся физики: Вайнберг, А. С. Компанец, Фейман, Хокинг и др. Тоска по авторитарному монизму воплощается в таких модусах сциентизма, как культ «мирового лидера в науках» (напр., поклонение механике в XVII-XVIII вв.), культ «передовой научной школы» (напр., воспевание школы Т. Д. Лысенко в СССР в эпоху сталинизма), культ «ученого-корифея» (напр., современное почитание А. Эйнштейна).

Авторитарный эпистемический монизм направлен на утверждение – среди ученых, учащихся, народов, человечества в целом – идейного единства, тотального единомыслия, сплоченности. Он ощущается прежде всего в попытках сконструировать некую «единую научную картину мира» (НКМ) и привить ее вначале научному сообществу, а затем и всем людям. НКМ наделена, намеренно или стихийно, квазирелигиозным мировоззренческим потенциалом, своеобразно сакрализована. Обязательность исповедования официальной НКМ учеными и широкой публикой обеспечивается соответствующими социокультурными институтами (идеологическими службами государственной машины, церковью,

правлящей партией, школой) и закрепляется в словосочетаниях и фразах типа: «храм науки», «наука утверждает», «наука учит», «это противоречит науке» и пр.

Подобный монизм подчас способствует укреплению и росту науки, а иногда, наоборот, становится реакционным фактором. Так, большинство историков науки утверждают, что парадигма механицизма, сформировавшаяся в ходе первой научной революции (1543-1687) и узаконенная католической церковью, сыграла в естествознании XVII-XVIII вв. в основном прогрессивную роль. Однако сегодня эту парадигму, все еще тотально навязываемую естествоиспытателям в качестве общенаучной максимы, многие считают устаревшей и даже вредной.

Противоположная тенденция гносеологического анархизма, или эпистемического плюрализма, противостоит надеждам жрецов храма науки на наступление светлой эры «Единственно Истинной Теории», развенчивает иллюзию «конца науки», подрывает веру в избранную отрасль науки, школу, парадигму, персону. Эта внутринаучная тенденция по своему существу носит антисциентистский характер и очень напоминает критику атеистами религиозных конфессий.

Асциентизм (антисциентизм) изначально противостоит сциентизму. Асциент – идейный противник сциентизма, развенчивающий культ науки и веру в непогрешимость ученых, в способность науки взять на себя роль общественного лидера. Сначала радикальными асциентами были средневековые фидеисты-церковники, а в наши дни к асциентизму примыкают не только богословы-фидеисты, но также многочисленные сторонники светской философии (философии жизни, экзистенциализма, персонализма и др.), заметная часть естествоиспытателей и ученых-гуманитариев. Среднестатистический асциент-ученый верит, что по своей природе и сути наука рассчитана на вечность (подобно морали или искусству), и в будущем эта форма человеческого духа в целом останется той же, что и сейчас.

Асциентизм имеет множество градаций, начиная с радикального осуждения светской (немонастырской) и вышедший из-под власти церкви науки как дьявольского наущения и кончая самым либеральным асциентизмом, который уравнивает науку в правах с искусством, религией и иными формами общественного духа и отвергает лишь оценку науки как высшей формы познания и мудрости, а также культы ученых-гениев и абсолютизацию каких-

нибудь научных школ. Противостояние сциентизма и асциентизма можно описывать под разными углами зрения и в том числе – как особое религиозное противостояние, а именно как конфликт языческого пантеизма (вкупе с его магией и особым гуманизмом) с христианским монотеизмом.

Страшилки о закате науки периодически возрождаются и сходят на нет, заменяясь лозунгом о всемогуществе научного прогресса. Подобное, например, случилось под влиянием глубокого идейного кризиса, а затем революции в физике в начале и первой половине XX века. А. Шопенгауэр как-то сказал; «Каждый принимает конец своего кругозора за конец света». Потребность человечества в фундаментальной науке со временем никогда не исчезает, а, напротив, все более возрастает. Поэтому наука никогда не умирала и сегодня не отмирает, но лишь периодически обновляет свои исторические формы. В наступившем XXI веке просматривается не конец науки «вообще», а виден только конец непомерным претензиям науки на владение высшей истиной и право быть верховным пастырем человечества.

Сакраментальный сциентизм прошлого ныне незаметно вытесняется профанной наукой, не желающей более возноситься над бытом людей, их моралью, религией, искусством. Скажем, доминировавшая до конца XX века в теоретической физике «поэзия» в форме тяги к предельной концептуальной интеграции и построению «теорий всего» (вспомним мифы о Большом взрыве, черных дырах, кварках, бутстрапе, виртуальном вакууме и пр.) сегодня все чаще уступает место прозе дифференцированного узкоспециального знания, эмпирическим исследованиям мелких тем и постановкой новых локальных проблем, важных для человечества.

Таким образом, диалектический синтез альтернативных утверждений радикальных сциентов и асциентов – либо «конец науки», либо «вечный и неизменный континуитет науки» – заключается во взгляде на рост науки как на «узловую линию мер» (Гегель), эмерджентное периодическое «снятие» сложившейся науки в качественно новых формах ее существования.

Культ «избранного ученого». Теперь подробнее обсудим такую характерную для сциентизма форму, как феномен обожествленного ученого. В науке время от времени утверждаются и свергаются персоны-авторитеты, ссылка на труды которых обязательна и соизмерима с почитанием священных книг (например, культуры

Аристотеля, Ньютона, Эйнштейна и пр.). Молва приписывает кумирам-ученым сверхценные атрибуты. Их учения-теории тщательно оберегаются от критики различными идеологическими органами и институтами. По-видимому, культ «ученого-корифея» в меру полезен и в меру вреден для науки.

Тут полезно вспомнить хрестоматийную историю об аристотелизме. Человечество так или иначе почитает Аристотеля уже более двух тысяч лет. В XIII веке Фома Аквинский признал учение этого лучшего ученика Платона за абсолютную истину, а католическая церковь официально утвердила и обожествила томизм. Физика и биология Стагирита были важным шагом вперед в древнегреческой науке, но позже некоторые его паранаучные выдумки стали серьезно препятствовать росту европейского естествознания. Лишь в эпоху Ренессанса и Нового времени критически мыслящие физики и биологи сумели преодолеть, например, следующие ошибочные утверждения Аристотеля: «чем тяжелее тело, тем быстрее оно падает», «жуки имеют восемь ног», «у мужчин больше зубов, чем у женщин» и т.п.

Принято считать, что наука рождается из магии, преодолевая ступени астрологии, нумерологии, алхимии и иных оккультных занятий. Отсюда логично предположить, что наука наследует ангельски-демоническую сущность магического колдовства. Маг стремится обрести власть над вещами и людьми, опираясь на хитрость своего разума и интуитивно визнавая тайные законы природы и общества. Суть мага – шаманизм, и творчество мага осуществляется средствами, неведомыми обычным людям. Маг не поклоняется духам, а приказывает им.

В отличие от прочих гениев, в научном гении, как в шамане, чудесным образом дополняют друг друга доброе и злое, высокое и низкое, душевно-здоровое и психопатическое. А. Шопенгауэр считал гениев монстрами с чрезмерной энергией воли и чувствительности, отклоняющейся от нормы. Ч. Ломброзо постулировал связь гениальности с психическими расстройствами. Взобравшись на верхушку социальной пирамиды, научный гений закрепляется на ней при условии постоянного заимствования продуктивных сил у людей, находящихся ниже (Г. Лебон). В отношении «культа ученого», по моему, справедливо остроумное замечание М. Хайдеггера: «Кто глубоко мыслит, тот и глубоко заблуждается», поскольку рано или

поздно обнаруживают неточность или даже ложность теоретического основания всякого «гениального учения».

В культе «избранного ученого» парадоксально сочетаются ангельская и демоническая сакральность. Научный демон, свободный от норм высокой морали, – это темная, но неизбежная ипостась светлого научного гения. «Совместность гения и злодейства» (доброе и злобное гения) в такого рода образцовых ученых наглядно демонстрируется И. Гёте в образе Фауста, сумрачного германского гения. Фауст заключает договор с дьяволом при условии, что Мефистофель будет ему служить, пока Фауст не успокоится, довольствуясь достигнутым и не попросит «остановить мгновение». Фауст – титан, бунтарь. Он посягает на традиционные нормы, попирает права других людей и является первопричиной множества смертей (Маргариты, их общего ребенка, ее матери, брата). По сути, научный гений, ради экспериментов подвергающий изощренной пытке свои объекты, соответствует лозунгу Мефистофеля: «Я вечно хочу зла и вечно творю благо». Впрочем, этот лозунг можно заменить эквивалентным изречением Данте, отражающим, в том числе, иррациональные последствия широкомасштабной научной деятельности: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

При внимательном изучении реальных биографий «богоподобных ученых», в них, как правило, можно отыскать и приятные ангельские плюсы, и отвратительные демонические минусы. В этом смысле «избранный ученый» остро диалектичен, подобен двуликтому Янусу. В нем концентрируется амбивалентная суть науки «вообще» в неразрывном единстве ее светлой и темной сфер. Общепризнанный «вождь ученых» может служить достаточно представительным образцом научного бытия, унаследовавшего черты черной и белой магии. В отношении противоречивого научного сообщества как целого, такого рода сакрализованный репрезентант воплощает конкретное тождество идеала и идола, кумира и злодея.

Если последовательно руководствоваться принципами диалектики, то культ обожествляемого ученого следует более точно оценивать как тождество и различие положительных и отрицательных черт его характера, которые вкупе позволили такому ученому воспользоваться (нередко нарушая моральные нормы) трудами своих предшественников, оригинально обобщить разрозненные идеи, сплотить вокруг себя преданных учеников и,

наконец, взобраться на вершину научного Олимпа. Сквозь призму норм высокой морали нетрудно увидеть, что кое-что в культах выдающихся ученых, несомненно, заслуживает одобрения, а кое-что – решительного порицания. Поэтому диалектическая оценка культа «избранного ученого» принципиально отличается от соответствующих альтернативных оценок прямолинейных сциентов и асциентов. И те, и другие частично правы, поскольку в научном гении, действительно, переплетено великое и низменное. Но сциенты ошибаются, не замечая в научном гении злого и низменного начала, а асциенты – начала добра и величия.

Обожествление сциентами «избранного ученого» всегда происходит путем замалчивания каких-нибудь его негативных или обыкновенных черт и приписывания супер-ученому исключительно благородных и даже сверхчеловеческих качеств. Истинный сциент, понятно, возносит «образцового ученого» до небес, умиляется присущей его кумиру калокагатии – соборности истины, добра и красоты. Асциент, напротив, обнаруживает в том или ином идоле сциентов только самое низменное и преступное и с негодованием осуждает атрибуты, реально присущие «корифею», – гомофобию, зависть, лесть, карьеризм, ориентацию на методы обмана и плагиата, умение недостойными средствами устранять критиков и конкурентов.

Рассмотрим культ И. Ньютона как красноречивый пример односторонних (либо только со знаком «+», либо только со знаком «-») оценок сциентами и асциентами культа «избранного ученого». Прошу читателя мысленно соотносить их оценки с изложенной выше гипотезой о научном гении как наглядном репрезентанте дуализма добра и зла в магии и науке; вне такого дуализма не бывает великих научных гениев.

Культ сэра Исаака Ньютона повсеместен, но наиболее он характерен для Англии, где сциенты наделяют кембриджского гения всеми мыслимыми добродетелями. На его памятнике в Тринити-колледже есть надпись: «Разумом он превосходил род человеческий». Надпись на его могиле гласит: «Здесь покоится сэр Исаак Ньютон, дворянин, который почти божественным разумом первый доказал с факелом математики движение планет, пути комет и приливы океанов. Он исследовал различие световых лучей и появляющиеся при этом различные свойства цветов, чего ранее никто не подозревал. Прилежный, мудрый и верный истолкователь природы, древности и Священного Писания, он утверждал своей философией величие

Всемогущего Бога, а нравом выражал евангельскую простоту. Пусть смертные радуются, что существовало такое украшение рода человеческого».

В честь Ньютона названы: единица силы в системе СИ, многие законы и теоремы, кратеры на Луне и Марсе. В СССР на рубеже 1942-1943 гг. в дни Сталинградской битвы широко отметили 300-летний юбилей Ньютона. К. Р. Докинз, знаменитый английский популяризатор науки, даже предложил праздновать 25 декабря вместо Рождества Христова рождение Исаака Ньютона.

Но асциентами о личности Ньютона сегодня широко распространяется (особенно в Интернете) информация прямо противоположного свойства. Говорится, что когда Ньютон профессионально занялся наукой, то заболел прогрессирующим психозом. Стал ненавидеть людей, особенно, женщин. Совершенно не переносил критики в свой адрес. При намеке на возражение впадал в ярость. Распространял свою постоянную раздражительность на коллег. У него не было близких друзей. Впрочем, есть сведения, что к старости у Ньютона появились прежде не свойственные ему черты – добродушие, снисходительность, общительность.

Историки науки утверждают, что Ньютон демонстративно придерживался арианской ереси, не признавал Троицы, хотя и состоял в колледже Святой Троицы в Кембридже. Стал членом, а позже мастером масонской ложи. Увлекался древней языческой религией богини Весты и розенкрейцерской алхимией, а это не приветствовалось христианской церковью. Пишут, что Ньютон не был справедливым и честным человеком, легко шел на подлог и фальсификацию. Отмечают и то, что его лекции были весьма скучны, и студенты их мало посещали.

Асциенты также уверяют, что математик Исаак Барроу, учитель Ньютона, приобщил своего ученика к люциферианскому ордену «Вольных каменщиков», а затем передал ему в 1669 г. свою физико-математическую кафедру в университете. Чтобы придать Ньютону научный вес Барроу негласно презентует ему переведённые трактаты Омара Хайяма с точными расчётами по физике, астрономии и математике. Выдав расчёты арабского ученого за собственные, Ньютон сразу же получает степень магистра. Он крадет из сочинений Хайяма также способ улучшения телескопа, отчего плагиатор тотчас же становится знаменитым.

Сегодня не секрет, что Исаак Ньютон демонстративно игнорировал имя Роберта Гука, вероятно, первым открывшего закон всемирного тяготения, а также имя Готфрида Лейбница – скорее всего подлинного автора дифференциального и интегрального исчисления, и присвоил себе научный приоритет в соответствующих областях физики и математики. Высказывается обоснованное мнение, что именно Ньютон причастен (в свою бытность президентом Королевского общества) к уничтожению всех до единого портретов своего оппонента Гука.

Вот что пишут академики С. И. Вавилов и В. И. Арнольд об авторстве в открытии закона всемирного тяготения.

«Если связать в одно все предположения и мысли Гука о движении планет и тяготении, высказанные им в течение почти 20 лет, то мы встретим почти все главные выводы “Начал” Ньютона, только высказанные в неуверенной и малодоказательной форме, – читаем у физика С. И. Вавилова. – <...> Вместе с тем перед нами вовсе не случайно брошенная мысль, но несомненно плод долголетней работы. <...> Бесцельная борьба за приоритет набросила тень на славное имя Гука, но истории пора, спустя почти три века, отдать должное каждому» (Вавилов С. И. Исаак Ньютон. М., 1961. С. 104).

Математик В. И. Арнольд рассказывает, что в письме Гука Ньютону (от 6.01.1680) «содержатся такие важные слова: “Я предполагаю, что притяжение обратно пропорционально квадрату расстояния до центра, соответственно предположению Кеплера о зависимости скорости от расстояния. <...> Этот закон обратных квадратов есть, по-видимому, теория тяготения Гука. <...> По инициативе астронома Галлея (1655-1742) Ньютон написал работу с подробным изложением своих результатов под названием “Математические начала натуральной философии” и прислал ее Королевскому обществу 28 апреля 1686 г. В рукописи Гук не был упомянут ни разу» (Арнольд В. И. Гюйгенс и Барроу, Ньютон и Гук. М., 1989. С. 16, 18).

О жалобе Лейбница на заимствование у него Ньютоном, без положенных ссылок, дифференциального и интегрального исчисления В. И. Арнольд утверждает: «Ньютон тоже повел себя в этой истории не лучшим образом. Он собрал комиссию, задачей которой было разобраться с вопросом о приоритете и вынести окончательное решение. Ньютон к тому времени был уже

президентом Королевского общества, поэтому в состав комиссии для придания ей большей беспристрастности были включены, по его словам, многочисленные ученые из разных стран. Комиссия рассмотрела вопрос о приоритетном споре и опубликовала отчет. Отчету интернациональной авторитетной беспристрастной комиссии предшествовали такие слова: «Никто не может быть сам себе судьей и свидетельствовать по своему делу. Такой судья будет судьей несправедливым, и будут попорчены законы всех стран, если кто-то будет допущен в качестве законного свидетеля по своему собственному делу. Далее идет оправдание Ньютона и обвинение Лейбница в необоснованных притязаниях на неопубликованные Ньютоном результаты. Впоследствии, после смерти Ньютона, из его бумаг выяснилось, что Ньютон руководил составлением отчета, и патетическое обвинение несправедливого судьи было написано лично им, а “многочисленных ученых не из Англии” было всего двое, и лишь один из них был математиком» (Арнольд В. И. Гюйгенс и Барроу, Ньютон и Гук. М., 1989. С. 39).

Каким же все-таки был Исаак Ньютон на самом деле? Полагаю, в этом подлинно научном гении парадоксально сочеталось все то, на чем настаиваются как сциенты, так и асциенты. Но вовсе не обязательно примыкать к сциентам, сторонникам его культа. В отличие от советской философии как «служанки науки», нынешняя отечественная философия была бы более полезной в качестве диалектической критики науки. Что же касается ожесточенного спора по обсуждаемому вопросу между отечественными радикальными сциентами и асциентами, ни на йоту не уступающими друг другу, то их право на свободу убеждений гарантировано известным юридическим законом Российской Федерации о свободе совести и вероисповедований.

Я. Л. Пилатс
УрГУ им. А. М. Горького

«САНЬ ЦЗЯО» И АНТРОПОЛОГИЯ КИТАЯ

Словосочетание «Сань Цзяо» знакомо каждому китайцу. В переводе на русский язык означает «три учения». Конфуцианство, даосизм, китайский буддизм оказали огромное влияние на